

В тот день сумерки наступили рано. Даже когда Корделия вспоминала свой последний закат, жутковато тихие леса предвещали что-то зловещее, как смерть. Исчезли звуки птиц; даже журчание ручья неподалеку, которое можно было услышать утром, теперь приглушалось какой-то гнетущей атмосферой.

Эсме с готовностью выполнила требование брата отправиться пораньше. Но почему он не отложил поездку на завтрашнее утро, когда проход через лес будет безопаснее, он отказался объяснить, кроме как какими-то туманными загадочными предсказаниями.

Одеяла, одежда, продукты питания и другие необходимые вещи, такие как кремь, точильный камень и кухонные принадлежности, были разделены на три пакета из прочной кожи, из которых Корделия несла самый легкий, а Эсме — самый тяжелый. Поначалу такое расположение озадачило Корделию, поскольку она думала, что Деррик возьмет на себя самую большую ношу. Вскоре она поняла, почему.

«Если мы попадем в драку или попадем в засаду», — сказал Деррик, прежде чем они ушли, — «вы оба побежите вперед и не оглядывайтесь. Нет, Эсме», — сказал он, прежде чем девушка успела открыть рот, «Кто-то должен присматривать за Корделией, и это нельзя делать в разгар боя».

Итак, было решено. Деррик будет единственным, кто вступит в бой, в то время как девушки сбегут с большей частью снаряжения и еды, чтобы прокормить себя, на спине Эсме. Одно можно сказать наверняка: Корделия не чувствовала себя в большей безопасности, совсем наоборот.

С тяжелым сердцем и тревогой она последовала за братом и сестрой от домика в лесу. Они пошли в сторону дороги, где ее вымышленная жизнь встретила трагический конец. Однако, как только крутой поворот скрыл крошечный дом из виду, Деррик остановился. Словно вспомнив что-то, что он забыл упаковать, рыцарь резко повернулся и сказал им подождать. После этого он вернулся в дом и вернулся всего через несколько минут. Цель этой короткой поездки была догадана Корделией лишь гораздо позже. Теперь они шли в осторожном молчании, Деррик впереди, за ним Корделия, а последней пошла Эсме.

Они добрались до узкой грунтовой дороги на тактичном расстоянии от вчерашней бойни. Деррик обыскал вагоны рано утром, но не нашел ничего, что можно было бы сообщить. Корделия задавалась вопросом, были ли они когда-либо настоящими людьми с настоящей жизнью или просто выдумками, созданными Мировым Змеем. Казалось, лучше этого не выяснять. Она держала голову и взгляд прямо перед собой, пока они следовали по дороге, не удаивая взглядом ни одну из сторон, где лес становился густым, а твари рыскали с мягкими лапами и тихим дыханием.

Примерно через час в быстрых шагах Деррика произошло первое изменение. Не дожидаясь указаний, она поспешила подстроиться под его темп. С этого момента все трое общались только посредством звуков своих шагов. По которым она знала, что Эсме идет следом. Молчаливое понимание великой необходимости двигаться вперед. Тем временем наступала ночь.

К тому времени, как один из них нарушил тишину человеческим голосом, уже не было нужды в осторожности. Вокруг них лес проснулся с едва скрываемым рычанием, шорохом и шипением.

«Мы окружены», — сказала Эсме.

Деррик не ответил, но продолжал идти. И они шли, не сдерживаемые, нервируемые только непрекращающимися угрозами звериных присутствий.

Корделия до сих пор могла утешать себя отрицанием сверхъестественного, говоря себе, что такие звуки по обе стороны дороги принадлежат диким и обычным животным. И если такие существа жаждут человеческой плоти, то, конечно, огонь мог бы прогнать их, если бы брат с сестрой сочли нужным его развести. Почему они еще не зажгли факел, поскольку это казалось самым разумным способом отразить тьму, она не могла объяснить. Она хотела бы, чтобы они сделали это поскорее. Потому что ее рассудок сдавался. Даже необычайное количество собирающихся зверей она могла объяснить, но не шар серебристого света где-то на периферии ее зрения. Это было призрачное нечто, над ними и слева, скрывающееся за многими рядами деревьев в резком контрасте с наступающей тьмой. И оно следовало за ними на расстоянии, и это была не луна.

Пока глаза Корделии со страхом следили за ним, жуткая вещь иногда меняла свою относительную высоту с землей или порхала и исчезала, а затем мгновение спустя мигала, возникая за поворотом дороги. И чем темнее становился мир, тем ярче прерывисто сиял этот странный свет. Пока он не стал единственным существом, чье всепроникающее прикосновение можно было увидеть и услышать. И очаровательны были волнообразные удары, его интонирование мелодии свистящих ветров и такие вылазки душ леса, замороженные каждым мерцанием, отражавшимся от больших ветвистых деревьев, и вялые нити какой-то далекой мечты, достигающие всего и вся, и все же без сущности, смутно похожие на многочисленные манящие порталы в какое-то безопасное жилище в бесконечном кануне снов, фантазий.

Крик Корделии пронзил все это. Она упала на землю, не обращая внимания ни на какую опасность, которая могла бы подстергать, ни на хищников, обнажающих клыки в знак слабости. Далекие голоса увещевали ее за неосторожный шум, который она произвела. Но одна иллюзия выделялась среди остальных и шептала близко к ее податливым ушам, где ее руки закрывали их, и темные дыхания касались тонкой мембраны, грязные дыхания распространяли по ее коже этот ненавистный дискомфорт жестокого и неизлечимого проклятия, все еще бледнеющего в ее сознании, — слишком близко, слишком близко.

Обжигающая боль пронзила ее, неумолимая, как добрые намерения. Но даже когда она обжигала, она заставила ее открыть глаза. И там она обнаружила своего спасителя, отступающего с одинаковым страхом и облегчением.

Острая боль обжигала ее плечи, где Эсме схватилась. Но ее рот ахнул в благотворном воздухе, и она увидела, что мир еще не полностью погрузился во тьму. Ее веки просто закрылись, и ее разум сбился с пути.

«Что это было?» — прохрипела она со слезами на глазах.

«Что-то злое», — слишком явно сказала Эсме, ее глаза потемнели от беспокойства. «Тебе не следовало следовать за ним».

Но она этого не сделала. Если ее ноги и двигались, то по собственной воле. Она не могла вспомнить ничего из того, что произошло в момент бессознательности, кроме разительного контраста между светом, слишком ярким, что он казался фальшивым, и тьмой, слишком черной, что она казалась осязаемой.

Эсме посмотрела на брата: «В таком состоянии она не сможет двигаться дальше».

«И мы не должны этого делать», — поморщился Деррик. «Они полностью окружили нас. Но они ждут, пока совсем стемнеет».

"Что тогда?"

«Где-то впереди лежат руины дома. Местность благоприятствует нам. Мы остановимся там».

И сказав это, он повернулся и продолжил свой путь.

Без всяких указаний Корделия с трудом поднялась на ноги, чувствуя себя слабой, словно прошла тысячу миль. Но она не могла рассчитывать на помощь Эсме или кого-либо еще. Ни на кого. Просто идя одной ногой перед другой.

Воздух был отвратительным, вонял запахом собирающегося зла и растущего страха Корделии. Теперь шарканье лап и когтей было уже близко, но теперь раздавались также хлопанье крыльев и постоянные звуки скользящих существ на траве и по большим корням. У нее было мало надежды, что она сможет найти понимание с этими ползучими существами, которые делили с ней бога-покровителя. На ее запястье даже Мастема беспокойно шевелился и иногда издавал предупреждающее шипение, когда она слишком близко подходила к краю дороги.

Прежде чем тьма успела полностью окутать их, Деррик резко повернул. Сначала она боялась, что он решил вступить в прямой бой с затаившимися тварями. Но тонкая, почти невидимая тропа уступила ей дорогу, когда она последовала за ним, который теперь был лишь тонкими очертаниями.

После небольшой вечности они вышли на обширную поляну. Высохший пруд стоял между ними и особняком, давно завоеванным зарослями. И это было настоящее поместье, в отличие от хижины братьев и сестер, двухэтажное и сделанное из цельного кирпича. Но по большей части его центр и левое крыло обрушились, в то время как вся внутренняя стена стоящего правого крыла была открыта стихиям.

Когда они вошли в высохший пруд и отошли от линии деревьев, Эсме разожгла огонь, а затем еще один факел для Корделии. Она держалась за горящую вещь, которая была все еще холоднее, чем прикосновение Эсме, завися от нее, и ее жизнь зависела от этого.

«Что он делает?» — спросила Корделия. Хотя ее сердце билось так сильно, что ныло, огонь и признак цивилизации, пусть и мертвой, достаточно воодушевили ее для разговора.

«Ставим барьеры», — просто сказала Эсме. «Пойдем, соберем дрова для костра».

И вот Корделия заставила себя идти поближе к деревьям, подбирая ветки и палки, выпавшие из их тени.

Они очистили первый этаж правого крыла и навалили туда дров, и был зажжен большой костер. Когда Деррик вернулся, его руки сверкали от святой воды. Край поляны теперь мерцал нацарапанными светящимися знаками на деревянных кольях, вбитых глубоко в землю. А в центре пруда, где рыцарь должен был занять позицию, земля была вскопана.

«Но они не удержатся», — пессимистично сказал он. «Их слишком много. Даже больше, чем должно быть в этом лесу».

Корделия не осмеливалась спрашивать, каковы их шансы дожить до утра.

Все еще угрюмо, рыцарь указал на меч на ее бедре. «Ты умеешь им пользоваться?»

«Не для драки, я думаю».

«Позвольте мне одолжить его на время».

Она передала ему оружие. На что он прошептал и сделал знак. «Это должно немного скрыть твое присутствие. Но не для боя».

Затем они сели спиной к огню и стали ждать.

Им не пришлось долго ждать. Ибо вскоре вой в небесах возвестил о полном поглощении мира безлунной ночью.

Деррик вскочил. «Эсме, за моей спиной», — рявкнул он, «Корделия, под лестницей».

Это было едва ли достойное место, где другие сражались в отчаянной схватке, но Корделии в этот момент было мало пользы и достоинства. Она протиснулась под лестничный пролет или то, что от него осталось. Доски, на которых болтались и расщеплялись, как огромная паутина,

тянущаяся от первого этажа вверх.

«Как ты думаешь, у них есть шанс?» — прошептала она.

«Прячься хорошенько, госпожа», — просто сказал Мастема.

Она сглотнула.

Земля содрогнулась. Но ни один из братьев не двинулся с места. Деррик с мечом, наискосок держащимся поперек туловища, Эсме со стрелой на тетиве.

Теперь даже воздух пульсировал, и земля непрерывно сотрясалась. Волны за волнами невидимых атак обрушивались с постепенно сокращающимися интервалами. Оглушительным был вой, рев и множество других звуков, совершенно необъяснимых для смертного уха. Они были такими громкими, как будто что-то тяжело раненое лежало в безумной агонии рядом с ней и кричало ей в уши.

Даже тогда братья и сестры держались неподвижно. Она слышала, как Деррик тихо молился.

Кол поддался, вырванный с корнем и брошенный через высохший пруд. Пролетев мимо братьев и сестер, он с силой ударился о лестницу, под которой пряталась Корделия. Он рухнул на нее. Но у братьев и сестер не было времени позаботиться о благополучии Корделии. Потому что в самом буквальном смысле этого слова начался настоящий ад.

Ее разум едва функционировал, когда она выползала из-под упавшей лестницы. Ошеломленная болью и шоком, она могла лишь смотреть широко раскрытыми глазами на разворачивающуюся сцену, совершенно не обращая внимания на опасность, которая могла согнуть ее путь в любой момент.

Самым нереальным, пожалуй, было спокойствие, с которым Эсме держалась. Настолько, что это граничило с абсурдом. Она наложила стрелу, выпустила ее, затем изменила прицел, и другая стрела вылетела.

Что пронзили эти верные и отмеренные стрелы, Корделия не могла сказать наверняка. Ибо формы, которые теперь лились в высохший пруд, были совершенно непостижимы. Некоторые действительно напоминали волков, которые почти разорвали ее вчера ночью, но в безлунную ночь они приобрели необъяснимые размеры своих очертаний. Огонь также не мог разрешить эти вещи в связные формы, потому что своим натиском они вытащили тьму в близость света. И чем больше они приближались, тем сильнее надвигалась тень леса, нащупывая здание, словно скрюченные пальцы. Колья, исписанные священными рунами, были растоптаны и вырваны с корнем, пока не осталось ни одного стоящего.

В их гущу сэр Деррик влетел неуязвимый с боевой яростью, разнося сокрушительные

наказания одно за другим. И с каждым его ударом, подкрепленным громким боевым кличем, темная фигура рассыпалась. Они пришли. Они пали. Каждый дважды был заменен своими безразличными братьями, пришедшими как неумолимый поток. Чем больше он убивал, тем плотнее становилось их окружение.

Неизбежно, орда рассыпалась вокруг рыцаря, и некоторые вместо того, чтобы карабкаться и толкаться друг на друга за шанс на Деррика, стреляли прямо в Эсме, сдерживаемые только ее меткими стрелами. Но постепенно их атака опережала и превосходила ее численностью, натягивая, выпуская и вытаскивая тетиву. Прежде чем ее стрелы закончились, Эсме отбросила лук, обнажила клинок.

Как идеальный контраст необузданному негодованию ее брата, поведение Девы Божьей было грациозным, как каменный вал, как неподвижное. Но даже самые мощные стены не могут вечно выдерживать осаду. И защита Эсме не была безупречной, как у ее брата. Она оступилась, открыла себя, ударила с недостаточной или слишком большой силой. Для Корделии, не имевшей боевого опыта, она была прекрасным воином. И все же, очевидно, количество и разнообразная природа ее врагов были слишком велики, чтобы вынести их. Летая, ползая или атакуя, они нападали на нее без предсказуемых схем. И девушка-воин могла только так быстро приспосабливаться к врагам, с которыми она никогда раньше не сталкивалась.

Теперь разум Корделии прояснялся, и туман рассеивался, пока она не смогла различить природу спокойствия Эсме. Что оно не было рождено из неоправданной уверенности в своих навыках или глупости. Но она прекрасно осознавала свои недостатки. Эсме просто не боялась, не боялась. Как будто она не могла представить себе вероятный исход поражения, несмотря на все признаки давления. Или что ни на секунду она не возражала против того, чтобы умереть здесь, чтобы спасти беспомощного незнакомца. Глубокие порезы все чаще наносились на ее плоть; сила в ее атаках таяла с заметной скоростью. Однажды она потеряла равновесие и упала. Клыки немедленно вонзились в ее руку с мечом. Тем не менее она каким-то образом распуталась и восстановила свою стойку, и с мечом в левой руке она продолжала сражаться.

Это оказалось слишком для Корделии. Она знала наверняка, что Эсме не сможет долго удерживать жизнь. Она также не могла отметить сэра Деррика, погребенного под темной ордой.

Слезы окрасили ее лицо, когда она плакала о спасителях и защитниках. Затем она неумело поднялась на ноги и убежала.

Бегство, совершенное в смятении и отчаянии, бесцельно понесло ее в обрушившиеся части здания. Вопреки здравому смыслу она бежала, не заботясь о скрытности, как легко помеченная и разоблаченная добыча. И все же, спутанные ноги, производящие небрежные звуки на щебне, по которому она взбиралась, упавшие кирпичи, которые она отталкивала в сторону, никто не шел за ней. Может быть, чары, которые Деррик наложил на ее меч, который она все еще сжимала, способствовали этому плавному бегству. Или, в глубине души она виновато подумала, потому что она была меньшей добычей, пока желанная плоть Девы Божьей была под рукой.

Очень скоро она так глубоко погрузилась в темные объятия леса, что костер стал всего лишь слабым контуром над верхушками деревьев. Она бросила один взгляд назад на этот погребальный костер, прежде чем повернуться и возобновить свой трусливый побег. И тут она увидела его.

Один в бесконечной тьме он появился, почти не издав ни звука. Серебряный, как и прежде, шар парил дразняще, жуткий и соблазнительный, как сон после беспокойной ночи. Но она знала, что это было фальшивое утешение, и его природа была фейской. Не было времени даже бояться. Ибо в мгновение ока он оказался над ней, и вот он спустился на нее во всей своей ужасной и всепоглощающей силе

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4451908>